

— Я? С чего бы мне грустить? — Шитоу замер, так и не дотерев зачесавшийся нос. Растерянно моргнув, он натянул на лицо улыбку: — Мне просто любопытно... Что это вообще такое — греховная скверна?

Янь Чичэн пристально, глубоко посмотрел на него.

— Греховная скверна — это печать вины. Расплата, которую каждый определяет себе сам.

— И кто же выносит приговор? Кто карает? Неужто ты? — Шитоу уставился на него. На этот раз он не стал отводить взгляд, а, набравшись смелости, заглянул бессмертному прямо в глаза. От усердия он даже надул щеки, отчего стал похож на капризного ребенка.

— Никто не судит, и никто не карает, — Янь Чичэн даже не улыбнулся. Он отвел взор и неторопливо заговорил: — В детстве Юй Суцин рос в беспросветной нищете, деля все тяготы с матерью. Когда же он наконец преуспел, ее уже не было в живых — она ушла слишком рано, так и не дождавшись сыновней заботы. Став главой школы Улин, он вернулся на родину в роскошных одеждах. Чтобы спасти родную деревню от засухи и голода, Юй Суцин призвал дождь, велел ученикам раздавать пищу, врачевать больных, а уходя, оставил крестьянам горы лекарств и отрезов ткани. Он желал лишь блага. Но через несколько дней после их отбытия на деревню напали разбойники, позавидовавшие внезапному богатству. За одну ночь селение вырезали подчистую. В живых остались лишь двое сирот. Мучимые голодом и стужей, они откопали прах матери Юй Суцина, чтобы продать скудную погребальную утварь и пережить зиму. Когда Юй Суцин, узнав о беде, примчался назад, он застал именно эту картину.

Голос бессмертного звучал монотонно, без единой эмоции, словно он зачитывал сухую летопись. В его интонациях не было и капли сочувствия к трагедии Юй Суцина.

Шитоу озадаченно потер подбородок:

— И ты сам все это видел?

Янь Чичэн качнул головой:

— Специально я не следил, но подобные вещи ведомы мне изначально.

— И в этом его вина? — Шитоу все еще недоумевал. — Разве он желал смерти жителям деревни? С чего бы Небесам карать его за чужие бесчинства? Это же глупость! Каждый год тысячи бедняков умирают от голода, но разве Небесный путь хоть раз вмешался, чтобы восстановить справедливость? Разбойники и душегубы режут людей без счета, но что-то я не видел, чтобы молнии испепеляли их на месте.

— В том-то и разница, — Янь Чичэн опустил взгляд на свои ладони и медленно сжал пальцы в кулак. — В предвечном хаосе все сущее живет по закону природы: весной рождается, осенью

умирает. Сильный пожирает слабого, и в этом нет ни злого умысла, ни добра. Но стоило смертным обрести разум, как на Небесах воцарились небесные законы, в мире людей — законы земные, а в Пути призраков — Десять заповедей Духовного владыки. Появились понятия правильного и ложного, а вместе с ними — бремя вины.

Шитоу слушал его как замороженный. Проследив за его взглядом, он уставился на руки Янь Чичэна. Не удержавшись, он робко погладил его ладонь кончиками пальцев и тут же отдернул руку обратно.

Бессмертный владыка не стал ловить его за руку, как делал обычно. Он лишь тихо продолжил:

— Смертные подобны полевой траве: утром рождаются, к вечеру увядают. Но если человек желает сделать шаг за этот предел, сбросить бrenную плоть, взрастить кости бессмертного и вознестись, ему нужно отрешиться от мира. Его Путь должен быть выверен до совершенства, не нуждаясь во внешней опоре. Когда сердцу больше не за что цепляться, оно обретает вечный свет; когда плоть освобождается от оков, она обретает бессмертие.

— Получается, ни небесные законы, ни земные суды, ни Десять заповедей над вами больше не властны? — усмехнулся Шитоу. — Значит, твори вы хоть самое черное зло, вам за это ничего не будет?

— И законы Небес, и уложения смертных созданы волей разума. Иными словами, их диктует сердце, — Бессмертный владыка Улин не рассердился на слова о содеянном зле. Его взгляд, глубокий и мягкий, коснулся макушки Шитоу. — Эти правила не могут связать ни меня, ни тебя, ни Юй Суцина. Его сковало собственное сердце. Если в глубине души он признает какой-то поступок греховным, на его душу ложится печать греха. Если же он сочтет свое деяние смертным грехом, грех обращается в карающую скверну. Рано или поздно этот груз сокрушит его дух и тело, лишив сил. И тогда Путь, по которому он шел, закроется для него навсегда.

— А если Путь закрыт, что тогда? — допытывался Шитоу. По его рукам пробежал озноб, и он поспешно растер плечи, силясь сохранить беззаботный вид. — Разве нельзя просто выбрать другую дорогу?

— Если Путь потерян, остается лишь вернуться туда, откуда начал, — Янь Чичэн мягко взял его за руку и повел прочь от заводи. Шитоу упрямылся, отставая на шаг, и бессмертный терпеливо замирал, поджидая его. Лишь когда юноша нехотя трогался с места, Янь Чичэн делал следующий шаг и вновь ждал. — Смертный обращается в прах, цветы персика опадают и смешиваются с грязью, золото и нефрит становятся обычными монетами, а камень... камень снова становится просто камнем. Всё возвращается к своим истокам.

После того памятного грозового бедствия Шитоу несколько дней ходил сам не свой. Он забросил любимые сладости, даже к жареной рыбе не прикасался.

Заметив неладное, Шуй-нян разыскала Янь Чичэна и робко попросила его утешить юношу.

Но Бессмертный владыка лишь покачал головой:

— Мои слова здесь бессильны.

Делать нечего, и Шуй-нян попыталась растормошить Шитоу своими силами. Однако из-за собственной неуклюжести она случайно окатила его водой с головы до ног.

Шитоу, надувшись, уселся на траву переодеваться. Но посреди дела его пальцы замерли на полузавязанном поясе.

— Послушай, Шуй-нян, — вдруг спросил он, глядя в пустоту. — Как думаешь... может ли такой великий бессмертный, как Янь Чичэн, осквернить себя греховной скверной?

Шуй-нян опешила, но тут же просияла:

— Ох, так ты переживаешь за господина? Не стоит беспокоиться...

— Вовсе я не переживаю, — Шитоу опустил голову, перебирая в руках гладкий пояс из ледяного шелка. Ткань ластилась к пальцам и легко выскальзывала наружу. — Если Юй Судин согрешил, Небеса очистили его молниями. Если согрешит Янь Чичэн, его ждет та же участь. С чего бы мне волноваться о нем больше, чем о каком-то главе школы Юй?

Улыбка медленно сошла с лица Шуй-нян. Она долго молчала, прежде чем тихо спросить:

— Тогда почему ты заговорил об этом?

— Сам не знаю, — пробурчал Шитоу. — Просто мысли в голову лезут, пока не спрошу — не успокоюсь. Ты ведь уверена, что господин твой безгрешен? Это правда?

Шуй-нян замялась:

— Должно быть, так... В ордене господина все устроено иначе.

— У него есть орден? — изумился Шитоу. — И что же это за место?

Шуй-нян испуганно замахала руками:

— Ох, молодой господин Се, мне не положено судачить о делах господина!

Шитоу нахмурился. Каким бы недотепой он ни был, даже он сообразил: стоило ему заявить, что судьба Янь Чичэна ему безразлична, как Шуй-нян тут же замкнулась в себе и потеряла всякое желание болтать.

Последующие дни принесли лишь новые невзгоды. Рядом с Янь Чичэном он теперь чувствовал себя донельзя неловко, а Шуй-нян больше не крутилась вокруг него с прежней веселой заботой. Шитоу то и дело ловил себя на мысли, что, возможно, ему и впрямь стоило проявить хоть каплю тревоги о бессмертном. Но стоило в его сознании всплыть двум словам — «греховная скверна», как душу сковывал безотчетный ужас. Ночь за ночью он просыпался в холодном липком поту.

Ему отчаянно хотелось расспросить Янь Чичэна или хотя бы попросить прислать лекаря, но язык словно присыхал к гортани. Стоило встретиться взглядом с этими бездонными черными глазами, как пережитый ночной кошмар возвращался с удвоенной силой. Шитоу с ужасом осознал, что теперь боится Бессмертного владыки куда сильнее, чем прежде. Казалось, задержи он на нем взгляд хоть на мгновение дольше — и следующая ночь превратится в сущий ад.

В конце концов он собрал свои постельные принадлежности и перебрался из спальни Янь Чичэна за узорчатую ширму. Оттуда — в приемную залу, а затем и вовсе сбежал в уединенный домик на противоположном берегу озера. Янь Чичэн не задавал лишних вопросов, по-прежнему исполняя любую его прихоть, и лишь изредка завуалированно наказывал «не заигрывать».

Шитоу эти предупреждения пропускал мимо ушей. Напоследок, ткнув пальцем в широкое ложе бессмертного, он дерзко спросил:

— А то, что мы с тобой каждую ночь кувыркаемся в постели, в твоём понимании — грех?

— Конечно же нет, — со вздохом отозвался Янь Чичэн. — К чему такие глупости?

— Боюсь, как бы меня молнией не испепелило! — буркнул Шитоу и, не дожидаясь ответа, прижал к груди подушку и зайцем дунул за порог.

Ночью его опасения оправдались: стоило голове коснуться подушки, как на него навалился кошмар. На этот раз он был пугающе отчетливым.

Шитоу привиделось, будто сам он обратился в грозный клинок, объятый ревущим пламенем. Он безжалостно рубил и кромсал чужую плоть, точно податливый соевый творог. Под ногами хлюпали растерзанные внутренности и куски мяса — он шел по ним, точно по мягкому, теплему ковру, оставляя за собой багровые следы.

Кровавый дождь затекал за шиворот. Шитоу попытался стереть его, но с ужасом обнаружил, что на его пальцах висят чьи-то вырванные легкие и сердце. Пока он в оцепенении разглядывал их, сверху на него обрушился целый водопад теплой крови, заливая лицо и глаза.

С диким криком Шитоу взметнулся на постели.

— Янь Чичэн! Мне приснился кошмар! — закричал он по привычке.

В комнате царила мертвая тишина. Никто не отозвался.

— Янь Чичэн, мне страшно... — сипло позвал он снова, прижимая колени к груди. — Обними меня, мне так жарко.

Ответом ему был лишь шорох ветра. Кошмар постепенно отступал, сознание прояснялось, и лишь теперь Шитоу понял две вещи: Янь Чичэна не было рядом, а за окном хлестал проливной дождь.

Кое-как поднявшись на неслушающихся ногах, он настежь распахнул створки окна. Ему хотелось отыскать взглядом покои бессмертного на том берегу, но вместо этого он замер, пораженный увиденным.

Прямо посреди бушующего озера стоял человек.

Белоснежные одежды, черные растрепанные волосы... Бессмертный владыка Улин застыл прямо на водной глади, заведя руки за спину. Потоки безжалостного ливня хлестали по его лицу, но он даже не пытался укрыться.

— Янь Чи... — Шитоу приоткрыл рот, но крик застрял в горле.

Лицо бессмертного, обращенное к темным небесам, было бледным и отрешенным. Дождевые капли сбегали из уголков глаз, прочерчивая дорожки, удивительно похожие на слезы. В его бездонных темно-зеленых глазах клубился непроглядный мрак — смесь такой глубокой скорби, вины и затаенной злобы, что у Шитоу похолодело внутри.

Тишину ночи нарушил едва различимый, сухой треск.

Шитоу в ужасе зажал рот ладонью. На его глазах Янь Чичэн — всё с тем же ледяным, безучастным выражением лица — медленно, с методичной, жуткой силой с хрустом выламывал один за другим ногти на левой руке, пока не сорвал все пять.